

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.511.152+821.511.152

Л. А. Гурьянова
L. A. Guryanova

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА «БАЯГАНЬ СУЛЕЙТЬ» («ТЕНИ КОЛОКОЛОВ») А. ДОРОНИНА

ON THE PROBLEM OF THE TRANSLATION OF THE NOVEL “BAYAGAN’ SULEYT” (“SHADOWS OF BELLS”) BY A. DORONIN

Ключевые слова: перевод, переводческая деятельность, оригинал, эрзянский язык, русский язык, переводческие трансформации.

В статье на примере романа «Баягань сулейть» народного писателя Мордовии А. М. Доронина и его перевода («Тени колоколов»), осуществленного Е. М. Голубчик, рассматриваются переводческие трансформации и приемы, использованные переводчиком с целью передачи смысла оригинала, уникального авторского стиля произведения; выявляются содержательные и структурные сходства и различия исходного текста и перевода, характеризуются проблемы, возникшие при передаче романа на русский язык.

Key words: translation, translation activity, original, the Erzya language, the Russian language, translation transformations.

On the example of the novel “Bayagan’ Suleyt” by the People’s Writer of Mordovia A. M. Doronin and its translation (“Shadows of Bells”), made by E. M. Golubchik, the translation transformations and techniques used by the translator to convey the meaning of the original, the unique style of the author of the work are considered in the article. The content and structural similarities and the differences between the source text and the translation are revealed, the problems that arose when translating the novel into Russian are characterized as well.

Перевод художественного текста — сложный творческий процесс, в результате которого взаимодействуют разные творческие личности — представители двух лингвокультурных общностей. Некоторые исследователи полагают, что художественный перевод является одним из наиболее эффективных и современных видов межнационального общения, поэтому как явление эстетическое, литературное и языковое он требует бережного и внимательного отношения к литературным достоинствам¹.

В любом художественном произведении автор отражает особенности и менталитет того народа, представителем которого является сам и на языке которого он пишет. В связи с этим переводчик должен, «прежде всего, понять текст, или деко-

дировать его»², «...вникнуть в авторскую эстетику, в его образ мыслей и способ их выражения, он должен вжиться в них, сделать их на время своими... Для полноценного перевода требуется глубокое знание всего творчества автора и всех обстоятельств создания переводимого произведения»³.

В языковом плане одним из отличительных признаков художественного текста является большое наличие в нем изобразительно-выразительных средств, поэтому его нельзя переводить дословно. Однако переводчик должен стремиться как можно более точно передать ту информацию, которая заложена в оригинале, подчеркнуть уникальность авторского стиля и, наконец, создать художественное произведение на другом языке, которое будет интересным для читателя⁴.

Роман «Баягань сулейть» повествует о жизни Российского государства XVII в., об исторической личности Патриарха Московского и Всея Руси Никона, эрзянина по национальности. Одним из значительных достоинств произведения является его язык, отличающийся яркими и оригинальными фигурами речи. Здесь гармонично сочетаются устаревшие слова и неологизмы, очень много наречийно-изобразительных слов, диалектизмов, библеизмов, парных слов, умело отобраны сочные метафоры, оригинальные сравнения, точные синонимы, позволяющие раскрыть идейно-художественные замыслы и эстетические идеалы автора. При передаче заложенной в оригинале информации переводчик использовал различные приемы перевода и трансформации (лексические, грамматические и лексико-грамматические). В рамках одной статьи невозможно отразить все виды трансформаций, поэтому рассмотрим некоторые из них.

Из лексических трансформаций наиболее часто встречается генерализация — замена слова или словосочетания эрзянского языка с более узким значением словом или словосочетанием русского языка с более широким значением, например: *Тикшай ченьксэнь тансть эзь варитне, ней, зярдэ симизе эсь пельксэнь, рунгованзо валовсь пси тол*⁵ («Тикшай не пробовал вкус **самогона**, теперь, когда выпил свою долю, по телу его разлился огонь») — *Тикшай не пробовал раньше **хмельного**, сейчас, когда выпил свою долю, по телу его разлился огонь*⁶. *Садга ютамсто мизолдозь вансь [Морозов], кода низэ кольнягай тейтерькак нурсесь кавто **килей** юткс понгавтозь увнемкасонть ды морась [Доронин, 1996, с. 104]* («Проходя по саду, улыбаясь смотрел [Морозов], как его жена, словно капризный ребенок, качалась на подвешенных между двумя березами качелях и пела») — *Проходя по саду, улыбаясь смотрел, как его жена качалась, словно малый ребенок, на качелях, подвешенных между двумя **деревьями**, и пела [Доронин, 2013, с. 96]*. — *Ки лангось кувака, сонзэ тенек мекев ютама. **Кииденть** зяро меленк пореде, **сывелентень** суронкак иляст тока [Доронин, 1996, с. 65]* («Дорога длинная, нам нужно обратно пройти ее. Хлеб ешьте вдоволь, но к мясу даже пальцем не притрагивайтесь») — *Назад путь не короче, **провизии** много нужно будет. Так что **запасы** не трогать [Доронин, 2013, с. 60]*. Как видно из приведенных примеров, произошла замена видового понятия родовым.

Следующим преобразованием, обратным генерализации, является конкретизация — замена единицы эрзянского языка с более широким значением единицей языка перевода с более узким значением, например: *Умодо умок Савватей инокось озась венчкес ды пачкодсь Ашо морянь Соловка усиянтень. Сон стявты тезэнь крест ды чапи келия [Доронин, 1996, с. 68]* («Давным-давно инок Савватий сел в лодку и

доплыл до Соловецкого острова, находящегося в Белом море») — *В 1429 году инок Савватий сел в лодку и доплыл по Белому морю на Соловецкий остров. Он поставил здесь крест и построил келью* [Доронин, 2013, с. 63]. *Теде [пиненть цопадемадо] арсемстэ васня нармунесь цётась-онкстнесь, кона ёндо ды кода ёртовомс* [Доронин, 1996, с. 114] («Думая об этом [как схватить шенка], птица сначала осмотрелась, как и с какой стороны наброситься») — *Думая об этом, коришун повис над шалашом, будто и не летел* [Доронин, 2013, с. 107]. Необходимо отметить, что конкретизацию и генерализацию переводчик в своей работе использовал в одинаковой степени.

Среди грамматических трансформаций наиболее часто встречаются синтаксическое уподобление (дословный перевод) и членение предложения. Для сохранения авторского стиля изложения часто использовался принцип дословного перевода, для которого характерно преобразование синтаксической структуры оригинала в аналогичную структуру русского языка: *Виресь палсесь коштонть тороземезь лопасо, тоиксесь нусманя морот, конат кавалонтеньгак эзь чарькодеве* [Доронин, 1996, с. 214] — *Лес целовал воздух взбухшими листьями, шептал грустные песни, которые коришун не понимал* [Доронин, 2013, с. 199]. *Никодим кандсь тензэ [Никоннэнь] сиянь вакансо панго ям. Ямстонть качадсь сёксень вирьсэ, тантей чинесь куцтясь судоварят* [Доронин, 1996, с. 45] — *Никодим принес ему [Никону] в серебряной чашке грибной суп. От супа пахло осенним лесом, ароматный запах щекотал ноздри* [Доронин, 2013, с. 42]. *Юриень монастырьсь ниле ёндо карксазь кевень сэрей пирявкссо... Аволь монастырь — крепость* [Доронин, 1996, с. 11] — *Юрьев монастырь со всех сторон опоясан высоким каменным забором... Не монастырь — крепость* [Доронин, 2013, с. 11]. В данных примерах конструкции оригинала воссозданы без каких-либо изменений. Вместе с тем средства речевой образности подлинника полностью перенесены на язык перевода, при этом не потеряв своей образности и эмоциональности.

Часто сложноподчиненные предложения оригинала подвергались членению на два и более самостоятельных предложения, например, сложноподчиненные предложения с придаточным времени преобразованы в два предложения: *Зярдс служамось прядовсь, вал сайсь патриархось, конань тесэяк кирдсь кавалалдо* [Доронин, 1996, с. 14] («Когда закончилось богослужение, Патриарх, которого держали под руки, начал говорить») — *Закончилось богослужение. Два монаха под руки вывели вперед Патриарха* [Доронин, 2013, с. 15]. *Зярдс цёратне лиссть ушов (Тикшай тетянть кирдсь кавалалдо) ды озасть кардаз пезэ касыця килеенть алов, Прошка лелясь панжизе кургонзо...* [Доронин, 1996, с. 120] («Когда мужчины вышли на улицу (Тикшай держал отца под руку) и сели у растущей сзади двора березы, Прошка сказал (букв.: открыл рот)...») — *Вышли на улицу (Тикшай придерживал отца под руку), сели у березы, растущей сзади двора. Прошка сказал...* [Доронин, 2013, с. 111].

Для передачи смыслового значения многих выражений переводчик часто прибегал к антонимическому переводу — лексико-грамматической трансформации, при которой утвердительная форма оригинала заменяется отрицательной в переводе или, наоборот, отрицательная утвердительной: — *Дык-эк, — Дионисий мезе-бути мериксэль* [Доронин, 1996, с. 38] («— Дык-эк, — Дионисий что-то хотел сказать») — *Дионисий не стал ни о чем спрашивать* [Доронин, 2013, с. 56]. *Сынь*

[вайгельтне] *эзь моле вейкест-вейкест ёнов, эрванть ульнесь эсензэ мазычизэ-сэрезэ, ды теке шкастонть весе вайгельтне лацесть вейкине моро, пачтясть вейкине нусманя мель-арсема* [Доронин, 1996, с. 123] («Они [голоса] не были похожими друг на друга, у каждого была своя красота и высота, и в то же время все голоса исполняли одну песню, рассказывали одну грустную историю») — *Они [голоса] были разными, и каждый по-своему рассказывал эту грустную историю, которую он слышал когда-то* [Доронин, 2013, с. 114].

Часто переводчик в текст вводит дополнительную информацию, не искажающую смысл контекста, а позволяющую глубже проникнуть в сущность явления, например: *Инечись, Пазонь поки чись... Священниктне озность-мораветь, соборонть ангелэнзэ стявть. Сетнень шожда рунгост педясть сэрей куполонть потс ды кодаяк алов а валговить* [Доронин, 1996, с. 49] («Пасха, Великий праздник... Священники пели молитвы, будили ангелов собора. Их легкие тела прилипли к сводам купола и никак вниз не могут спуститься»). В переводной текст включены выдержки из песнопений во время пасхального богослужения: *Пасха для истинного христианина — величайший праздник... Под высокие расписные своды летела песнь: «Воскресение Христа видевши, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному. Кресту Твоему поклонимся, Христе, и святое воскресение Твое поем и славим...». Священники, облаченные в пышные сияющие одежды, вторили хору: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси, и нас сподоби чистым сердцем Тебе славить. И казалось молящимся, что пространство собора, насыщенное запахами ладана и плавящегося воска свечей, это — небеса земные, беспредельные и торжественные* [Доронин, 2013, с. 45]. Применение данного принципа при переводе возможно только тогда, когда переводчик обладает расширенными знаниями о предмете сообщения. *Цюдавсь тензэ [Никоннэнь]: пазавась кивчкадсь ёнозонзо кежсэ, мезденть Никононь мештька ютась питтиксэнь кондямо. Ды сеске, мерят, кие-бути комась вельксээнзэ ды тошказевсь: «Никита Минов, тон миить эсь раськень пазтнэнь...»* [Доронин, 1996, с. 15] («Почудилось ему [Никону]: от иконы исходил холод (букв: икона сверкнула в его сторону гневно), от чего в груди Никона кольнуло. И будто кто-то наклонился над ним и прошептал: „Никита Минов, ты предал богов своих предков“») — *Но вдруг почудилось Никону, или слабый огонек от его горячего шепота дрогнул, что покачал головой Христос с осуждением: «Никита Минов, а чиста ль твоя душа? Ты предал богов своих предков. Не предашь ли Меня?». Никон в ответ на это страстно и истово зашептал покаянный псалом, касаясь лбом самого пола:*

— *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...* [Доронин, 2013, с. 16]. В данной части перевода наряду со словами из покаянного (50-го) псалма наличествуют вопросительные предложения, отсутствующие в оригинале. Таким образом, добавленная переводчиком информация не мешает восприятию текста, возможно, читателю она окажется даже полезной.

При сравнении оригинала и перевода можно констатировать, что переводчик прибегал и к такому приему, как опущение — отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов оригинала. Опущению подверглись в основном парные слова-синонимы, например: *Апак учонь васодемадонть весе валдо арсеманзо [Никононь] каладсть-чукадествь* [Доронин, 1996, с. 29] («От неожиданной встречи все

его [Никона] светлые мысли рассеялись (букв.: разрушились-встряхнулись)» — *От неожиданной встречи все его мечты развеялись, как утренний туман* [Доронин, 2013, с. 31]. *Сынь [тейтертне ды цёратне] нейдсть-мизолдсть, нуремасо люкакст-несть* [Доронин, 1996, с. 49] («Они [девушки и парни] смеялись (букв.: смеялись-улыбались), на качелях качались») — *Они смеялись, водили хороводы, качались на качелях* [Доронин, 2013, с. 46]. Как видно из примеров, в переводном тексте парные глаголы (*каладсть-чукадествь* «разрушились-встряхнулись», *нейдсть-мизолдсть* «смеялись-улыбались») переведены одним словом (развеялись, смеялись).

Перевод всегда можно подвергнуть критике, и она будет оправданной, так как не бывает идеального перевода. Ознакомившись с переводом романа «Тени колоколов», можно констатировать, что в целом переводчик знает творчество автора, сосредоточился на содержании, однако, встречаются случаи, когда переводчик, не уделив должного внимания национальным особенностям, не совсем точно передал царящую в оригинале атмосферу. Например, в романе много наречийно-образительных слов, они придают красочность произведению, способствуют глубже вникнуть в суть оригинала. Конечно, им трудно подбирать эквиваленты, поэтому при передаче их семантики переводчик прибегал к опущению или описательному переводу, например: *Чукалонь теке толбандяс ёртызь — рунгозо сорнозевсь, пензэ кальцк-кальцк мерезевсь* [Доронин, 1996, с. 218] («Чукала будто в костер бросили — он задрожал (букв.: тело его задрожало), зуб на зуб не попадает (букв.: его зубы клацают)»). В переводе мы читаем: *Встревожился и Чукал* [Доронин, 2013, с. 203]. Здесь не передана эмоциональная составляющая подлинника, и наречийно-образительное слово *кальцк-кальцк*, являясь в данном случае одним из средств выражения испуга, волнения, опущено. Перевод принял сжатую форму. Следующий пример: *Чикор-лакор — тетъкевсь лазонь вальминесь, потсто венствявсь стрелецэнь пря* [Доронин, 1996, с. 79] — *Заскрипело оконце, в проеме показалась лохматая голова* [Доронин, 2013, с. 71]. Наречийно-образительное слово *чикор-лакор* передают шум разваливающегося предмета, звук, возникающий при трении. На наш взгляд, при переводе здесь для усиления производимых действий можно было бы использовать русское междометие *скрип-скрип* («Скрип-скрип — распахнулось деревянное оконце, изнутри вытянулась голова стрельца»), как это было удачно сделано, например, в следующем примере: *Ды друк — транск! — кавтов сивсть ажиятне* [Доронин, 1996, с. 135] — *И вдруг — хрясть! — сломались пополам оглобли* [Доронин, 2013, с. 125]. Известно, что переводчик передает смысл всего произведения, а не отдельные слова, но если были бы переведены наречийно-образительные слова, то перевод только бы выиграл.

В целях эстетического воздействия на читателя автор использовал различные образительно-выразительные средства языка (тропы и фигуры речи), благодаря которым текст повествования получился ярким, насыщенным национальным колоритом. Однако переводчик во многих случаях не сумел или не счел нужным переводить их. В связи с этим в переводном варианте не передана царящая в оригинале атмосфера, не раскрыты особое настроение, эмоциональный посыл к читателю, например: *Бам-бом, бам-бом! — весе мейште коитсост кувсезевсь Софийской соборонь вете баягатне. Канксомозь ушось васня тандадомадонть сорнозевсь, мейле сась ёжос ды окойники кенярдозевсь марязентень, кармась валдомгадомо, теке баягатне манейсэ пештизь сонзэ. Течи Мастя, тундонь ине праздник, секс*

истя чавить баягатне [Доронин, 1996, с. 6] («— Бам-бом, бам-бом! — со всей силой застонали пять колоколов Софийского собора. Спящая округа от испуга сначала задрожала, потом пришла в себя и, наконец, обрадовалась услышанному, стала светать, будто колокола наполнили ее светом. Сегодня Масленица, большой весенний праздник, поэтому так бьют колокола») — *Бом, бом, бом!* — *раскололась тишина колокольным звоном. Уходила ночь, наступал новый день, последний перед Великим постом. В народе этот праздник зовут Масленицей* [Доронин, 2013, с. 7]. *Лангозонзо [нить] ваномсто Лексей Иванович мизолдсь тельня умарьсэ казезь зйкакшокс. Ашо сакалонзо паргошкат, куяв лавтовонзо прок совасо пештязь кескавт* [Доронин, 1996, с. 235] («Глядя на нее [жену], Алексей Иванович улыбался, как зимой яблоком одаренный ребенок. Его белая борода, как лукошко, жирные плечи — словно мякиной наполненные мешки»). Авторские сравнения не реализованы в переводе: *Алексей Иванович доволен женой. Сам с нее глаз не сводит, бороду поглаживает да жирными плечами поводит* [Доронин, 2013, с. 220].

Во многих случаях наблюдается отсутствие перевода целых абзацев, содержащих описательные элементы. Переводчик, возможно, решил, что для русскоязычного читателя эта информация ничего не даст. Например: *Келиянь вальминевантьеявсь румозь менелесь. Ней васолксонь качамотне эзь кузеве верев — улема, кудотнесэ каштомотне явасть. Ансяк кода пансесыть апаро ёжонь качамотнень — сынь сэвезь сэвэсть Алексей Михайловичень мештенть. Кие мерсь, инязортнэ седейтеметь?..* [Доронин, 1996, с. 99] («Через окошечко кельи виднелось выцветшее небо. Теперь далекий дым не смог подняться вверх — видно, в домах печи истопились. Только вот как отгонишь нехорошие мысли — они разъедали грудь Алексея Михайловича. Кто сказал, что цари бессердечные?..»). В оригинале речь идет о переживаниях Алексея Михайловича, об угнетающих, не дающих ему покоя мыслях, что в переводе опущено: *Через окно кельи виднелось выцветшее небо* [Доронин, 2013, с. 91]. На наш взгляд, немаловажной для читателя оказалась бы информация о пасхальном катании яиц. Это часть древнего ритуала, призванного **подарить земле плодородие**. Со временем его изначальный смысл забылся, магические действия превратились в забаву: *Вирень кужотнесэ ды Волхов чирень луганартнэнь лангсо — таго од ломанть. Тов мейс пуромсть, аволь венчэсэ укшиномо? Арась, зярс каташкесэ налксесть. Аравтнесть артозь сараз алт кувака рядс, адя сынст лангс токосо-оскасо кеверькшинема. Кие алонть эйсэнзэ токасы — се сонзэ. Матвей Стрешнев ушмодеесь ве ал путсь — сайсь кемзисемге. Мельцек-печек. Тейтертне велязь-велясть перьканзо: одокскак сонзэ а ловсак, ды а сыреяк: сельмензэ питиде питить, кедь илэкезэ пек ёроков* [Доронин, 1996, с. 50] («На лесных опушках и на лугу у берега Волхов-реки — снова молодежь. Туда зачем собрались, не на лодках ли плавать? Нет, на пасхальную игру — катание яиц. В длинный ряд расставляли крашеные куриные яйца, на них катили мяч. Кто мячом заденет яйца — они его. Сотский Матвей Стрешнев поставил одно яйцо — взял семнадцать. Друг за другом. Девушки кружились вокруг него: и молодым его не посчитаешь, и не старый: глаза горят, руки сильные»).

В переводном варианте мы наблюдаем также неудачные моменты, связанные, например, с временным и возрастным несоответствиями: *Исень чись, виде, ульнесь маней-валдо, натой сельмть керясь, течинь валскестэнтъ лейганть уйсь вецана сув, коштость чадсь судокстомо летькесэ ды солыця эйсэ...* [Доронин, 1996, с. 5]

(«Вчерашний день, действительно, был светлым-ярким, даже глаза слепил, сегодня утром по реке плыл негустой туман, в воздухе пахло влагой и таящим льдом...») — *Сейчас дневное светило устало лежало на тонкой линии горизонта, и в его последних скупых лучах нежно млеял весь западный небосклон* [Доронин, 2013, с. 5] (автор и переводчик говорят о разных временах суток). *Манить шабра Колычевасо истямо зьяндонть [пожардонть] ломантне кавто телеть зрясть мода потсо* [Доронин, 1996, с. 126] («В позапрошлом году в соседнем Колычеве пострадавшие от такой беды [пожара] люди две зимы жили в землянках») — *В прошлом году в соседнем Колычеве половина жителей осталась без крова* [Доронин, 2013, с. 116]. *Теле. Миколань чи. Обеднядо мейле Успенской соборонь звонарьс ункс кутьмерь Павол сюлмизе нумоло кедень шапканзо, сыргась куземе верев, колокольнянтень* [Доронин, 1996, с. 370] («Зима. День Николая Угодника. После обедни звонарь Успенского монастыря горбун Павел завязал заячью шапку, собрался подняться наверх, на колокольню») — *На Николу утро выдалось хмурое, метельное... Горбун Павел, звонарь Успенского собора, встал рано, потуже подпоясал свой драный зипун, поглубже натянул заячий трех и отправился на колокольню. Надо звать народ к обедне, напомнить забывчивым о дне святого Николая Угодника* [Доронин, 2013, с. 348]. *Цёркантень мольсь кавкоце ие, чачос тусь тетякс: ашо черь, ашо чама, кувака пильге* [Доронин, 1996, с. 21] («Мальчику шел восьмой год, весь в отца: светловолосый, белолицый, длинноногий») — *Мальчику шел седьмой год, обликом весь в отца: такой же белобрысый* [Доронин, 2013, с. 22]. *Лексей Ивановичень топодсть кодгемень кавто иеть* [Доронин, 1996, с. 235] («Алексею Ивановичу исполнилось шестьдесят два года») — *Под вечер к Львовым съехались гости: Алексею Ивановичу пятьдесят два года исполнилось* [Доронин, 2013, с. 219].

Не совсем точно переводчик передал значение некоторых языковых единиц: *Кудыкеле учось эйсэст [Тикшаень ды Матвей Ивановичень] печкезь туво, кона уш киртазель-ванськавтозель...* [Доронин, 1996, с. 67] («В сенях ждала их [Тикшая и Матвея Ивановича] зарезанная свинья, которая была уже опалена и очищена») — *Хозяин вывел гостей во двор, зашел в хлев и выволок за задние ноги визжащего поросенка. — Вот ваше мясо* [Доронин, 2013, с. 62]. Наблюдается неправильный перевод, в результате которого переводчик вводит в заблуждение читателя относительно предмета сообщения. Переводческая ошибка, на наш взгляд, произошла не только от непонимания значения словосочетания *печкезь туво* «зарезанная свинья», но и всей конструкции высказывания.

В переводном варианте встречаются случаи несоответствия персонажей, что ведет в итоге к искажению информации: *Позаванть укшиность сёрмав куштавкст. Проска стувтсь эйзэнзэ ведь каямс, секс теевсь истямокс* [Доронин, 1996, с. 126] («Сверху кваса плавала пятнистая плесень. Проска забыла добавить в него [квас] воды, поэтому стал таким») — *Сверху плавала серая плесень. Прошка забыл налить в него воды, поэтому он закис* [Доронин, 2013, с. 117]. В переводном варианте получилось, что Прошка, брат Инжевата, делал квас, хотя в оригинале говорится, что квас делала Проска, жена Инжевата.

Переводчик не должен допускать ошибки и в географических названиях, исторических событиях и других реалиях. Однако в переводном варианте неправильно переведены некоторые топонимы: *Печтизь [Инжеватовтне] Карго латконтъ — алашась тусь седе шождасто* [Доронин, 1996, с. 129] («Перебрались [Инжева-

товы] через Журавлиный овраг — лошадь пошла легче») — *Проехали Гремячий овраг — лошадь пошла легче* [Доронин, 2013, с. 119]. Хотя далее мы встречаем правильную подачу данного топонима: *Аволь килейбуло ашолдсь Карго латконть томбале — теке эрзявань полк сыргась нуеме* [Доронин, 1996, с. 150] («Не березовая роща белела за Журавлиным оврагом — будто полк эрзянок собрался на жатву») — *Не березовая роща белела за Журавлиным оврагом — будто полк эрзянок собрался на покос* [Доронин, 2013, с. 140]. *Нешке пиренек ули. Сон ашти Селей латксо, косо цецяв лугат ды пекшие вирь* [Доронин, 1996, с. 134] («Пасека у нас есть. Она находится в Вязовом овраге, где цветущие луга и липовый лес») — *И пасека у нас, господин хороший, есть. Она находится в Ежовом овраге, там вокруг цветущие луга и липовый лес* [Доронин, 2013, с. 124]. Неправильно переведен топоним **Селей латко** «Вязовый овраг». Возможно, переводчик невнимательно отнесся к языку оригинала, перепутав созвучные эрзянские слова **селей** (лиственное дерево — вяз) и **сеель** (небольшой зверек — ёж), допустив тем самым ошибку в переводе. Неправильный перевод некоторых языковых единиц вызывает неясность и неправильную интерпретацию идеи автора, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо.

Таким образом, перевод романа «Тени колоколов» соответствует требованиям исчерпывающей передачи коммуникативного эффекта эрзянского текста. Используя лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации, применив различные приемы, переводчику в целом удалось передать дух оригинала, реализовать идеи автора. Однако встречаются случаи, когда переводчик не совсем точно или неправильно передал информацию, заложенную в оригинале. На наш взгляд, трудности связаны именно с передачей национального характера произведения, вследствие расхождения культур и языков. В связи с этим при передаче семантики некоторых слов и конструкций переводчик часто прибегал к описательному переводу и к такому приему, как опущение.

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Ризун В. В.** К вопросу о социально-культурной адаптации художественного произведения // Теория и практика перевода. Киев, 1982. С. 3 — 12.

² **Ивлева А. Ю.** Роль переводчика в передаче культурного пространства текста оригинала // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 211.

³ **Гудий К. А.** От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы междунар. заоч. науч. конф. М., 2012. С. 102.

⁴ См.: **Ручина Н. А.** Интерпретация и семантическая трансформация при переводе художественного текста // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4 (16). С. 225 — 229.

⁵ **Доронин А. М.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 67. (Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1996, с.]).

⁶ **Доронин А. М.** Избранные произведения : в 5 т. Саранск, 2013. Т. 4 : Тени колоколов : роман. С. 62. (Далее ссылки в тексте: [Доронин, 2013, с.]).

Поступила 01.09.2021 г.